

Д. П. КАЛЛИСТОВ. Северное Причерноморье в античную эпоху, М., Учпедгиз, 1952, 186 стр., тираж 15000 экз., цена 3 р. 80 к.

Глубокий и все возрастающий интерес, проявляемый самыми широкими кругами советских читателей к истории нашей Родины, вызывает настоятельную необходимость в опубликовании научно-популярных работ по различным разделам отечественной истории, которые могли бы ознакомить советскую общественность с новейшими достижениями исторической науки, с замечательными открытиями наших ученых — историков и археологов. Для историков античного мира в этом отношении первостепенной задачей является создание научно-популярного труда, посвященного истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Потребность в такой работе ощущается тем более остро, что и в специальной литературе у нас до сих пор отсутствуют труды, охватывающие историю всего Северного Причерноморья в период существования на его территории античных рабовладельческих государств. Имеющиеся работы общего порядка, посвященные этому вопросу, принадлежат перу буржуазных историков (Ростовцев, Миннз, Эберт) и построены на совершенно неприемлемых для нас методологических основаниях. Кроме того, работы эти вышли уже довольно давно, а в последнее время советская наука обогатилась огромным количеством нового материала, который властно требует обобщения. За последнее время появилось несколько ценных и интересных работ, написанных на основе изучения новейшего материала и рассчитанных не только на специалиста, но и на значительно более широкий круг читателей¹. Но все эти работы касаются какого-нибудь одного города или района Северного Причерноморья. Поставить всю проблему истории Юга нашей страны в период существования здесь античных рабовладельческих государств, учитывая как историю этих государств, так и историю окружающего их мира «варварских» племен и народов, впервые попытался Д. П. Каллистов в своей недавно вышедшей монографии². Но Д. П. Каллистов не вышел здесь хронологически за рамки IV в. до н. э., и поэтому большая часть истории Северного Причерноморья античной эпохи не получила в этой первой его работе освещения. С тем большим интересом встречает читатель новую его книгу. Издание этой работы в популярной серии «Библиотека учителя», рассчитанной на многотысячные массы советского учительства, заставляет с особым вниманием отнестись как к основным методологическим и теоретическим построениям автора, так и к достоверности сообщаемых им фактических данных. Большое значение также приобретает при таких условиях доступность и живость изложения, качество иллюстрационного материала и т. п.

В кратком «Введении» (стр. 5—7) автор ставит тот вопрос, который, по его мнению, является решающим во всей истории Северного Причерноморья античной эпохи, вопрос о взаимоотношении северочерноморского племенного мира с миром античной рабовладельческой цивилизации. Постановка этого вопроса в советской литературе в таком широком аспекте, как делает это Д. П. Каллистов в обеих своих работах, является, несомненно, основной заслугой автора. Советские ученые в последнее время уделяют много внимания исследованию вопросов взаимного культурного влияния греков и местного населения Северного Причерноморья, воздействия античных государств на социально-экономическое развитие местных племен, ассимиляции и взаимопроникновения различных культурных элементов, «варварских» и греческих, в процессе совместного развития на единой территории, образования своеобразной и неповторимой «греко-варварской» культуры, характерной для всего этого района. Ставя те же вопросы, Д. П. Каллистов, в противовес большинству советских исследователей, подчеркивает другую сторону взаимоотношений двух миров — их обособленность друг от друга, их отчужденность и борьбу. «На протяжении почти всей античной эпохи

¹ В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, М.— Л., 1949; Б. Н. Г р а к о в, Скифы, Киев, 1947; Г. Д. Б е л о в, Херсонес Таврический, Л., 1948.

² Д. П. К а л л и с т о в, Очерки по истории Северного Причерноморья в античную эпоху, Л., 1949.

наблюдается не слияние, а своеобразная борьба двух различных укладов, которая протекала с переменным успехом», — пишет он во «Введении» (стр. 5). Эта концепция была высказана автором в еще более определенной форме в его первой книге, но не встретила почти никакой поддержки со стороны специалистов¹. Видимо, под влиянием критики положений его первой книги Д. П. Каллистов в своем новом труде несколько смягчил основные положения своей концепции, но от этого они не стали иными, а лишь приобрели черты некоторой расплывчатости и неопределенности. Мы увидим далее, как эта концепция проявилась в различных частях его работы.

Первая глава книги носит название «Мир „варваров“ Северного Причерноморья» (стр. 8—48). Здесь автор рассматривает один из основных факторов истории Северного Причерноморья — развитие местных племен и народов в предколонизационный период и в период, последовавший за возникновением античных государств на северном берегу Понта. Он приходит при этом к выводу о рано сложившемся и очень широко распространившемся «историческом единстве племенного мира» Северного Причерноморья. Это историческое единство проявлялось, по мнению автора, и в развитии межплеменных связей еще с III тысячелетия до н. э., и в одинаковом уровне социально-экономического развития всех местных племен, и в распространении на огромной территории от Китая до Западной Европы скифского «звериного» стиля, и в единстве погребального обряда и т. д. Далеко не со всем в этой картине можно согласиться. Д. П. Каллистов, правильно подметив черты, сближающие различные культуры Северного Причерноморья (и не только Причерноморья, но и Сибири, Алтая, Средней Азии и т. д.), не видит различий между ними, и весь «мир варваров» в его изложении предстает в слишком обобщенном, схематизированном виде. Правда, автор несколько раз оговаривает существование локальных особенностей (стр. 25, 32), но эти правильные замечания остаются лишь декларацией, в дальнейших же своих рассуждениях автор оперирует с «миром варваров» опять как с чем-то единым; сарматы, меоты, синды и другие обитатели северочерноморских степей приравниваются к скифам и как бы растворяются в них; характерно в этом отношении, что, говоря о культуре и быте местных племен Северного Причерноморья, Д. П. Каллистов характеризует только культуру скифов (стр. 31 сл.). Таким образом, автор приходит к понятию особого «скифского периода» в «яркой и своеобразной культуре, развивавшейся в Северном Причерноморье на протяжении многих веков» (стр. 30).

Другой ошибкой автора в вопросе о развитии местного общества Северного Причерноморья является то, что, рассматривая «варварский мир» Северного Причерноморья, Д. П. Каллистов понимает его как нечто статичное, не учитывая тех социально-экономических и культурных сдвигов, которые характерны для развития этого мира в античную эпоху и которые были тем значительнее, чем большее воздействие оказывали на этот мир рабовладельческие государства Северного Причерноморья. Между тем автор практически отрицает наличие такого воздействия, ограничивая его сферу лишь верхами туземного общества, родоплеменной знатью и не признавая, вопреки археологическим фактам, влияния античной культуры даже на быт основной массы местного населения (стр. 46).

Небольшая вторая глава «Колонизация северного побережья Черного моря» (стр. 49—64) посвящена главным образом общим вопросам греческой колонизации. В ней анализируются причины «великой колонизации» в соответствии с высказываниями классиков марксизма-ленинизма по этому вопросу, здесь же дается краткая история освоения греками западного Средиземноморья и побережья Понта. Совершенно справедливо замечание автора о двустороннем характере колониационного процесса, о значении развития производительных сил местного населения для успеха колонизации (стр. 57, 63). Правильно рисуется Д. П. Каллистовым и история возникно-

¹ См. рецензии В. Д. Блаватского, Г. А. Цветаевой, К. Ф. Смирнова и П. Н. Таркова, ВДИ, 1950, № 3; ВИ, 1950, № 6; «Сов. книга», 1950, № 9; особого мнения придерживается акад. В. В. Струве, ИАН, ОИФ, 1951, № 1.

вения греческих городов на берегах Северного Причерноморья: от случайных поездок греческих купцов к образованию эмпориев, от эмпориев к возникновению постоянных поселений (стр. 58—61).

Основное место в рецензируемой работе занимает третья глава, названная автором «Северочерноморские города-колонии» (стр. 65—152). Она включает в себя небольшую вводную часть, посвященную основанию отдельных греческих полисов в Северном Причерноморье, и четыре раздела: 1. Ольвия, 2. Херсонес, 3. Боспор, 4. Боспор и Митридат Евпатор. Таким образом, название всей главы не совсем соответствует ее содержанию. В вводных замечаниях к главе (стр. 65—79) автор довольно подробно останавливается на истории основания Ольвии, Херсонеса и важнейших городов Боспора, на топографических особенностях заселяемых районов и дает суммарную характеристику основанным городам. В отношении Ольвии и Фанагории даны краткие сведения по истории их раскопок, в отношении других городов этого не сделано.

Раздел «Ольвия» (стр. 79—90) включает в себя общую характеристику экономики древнего города, причем автор останавливается достаточно подробно на монетной системе и денежном обращении, совершенно правильно учитывая значение этого материала для изучения вопросов торговых отношений и экономической жизни общества вообще. Верно показаны и взаимоотношения Ольвии с окружающими «варварами» в первые века существования города, общественный строй Ольвии и изменение положения города с III в. до н. э. в связи с началом наступления «варваров». Тем не менее некоторые положения этого раздела вызывают возражения. Прежде всего необходимо решительно протестовать против следующего заявления автора: «...Филологические изыскания позволяют сделать предположение, что Ольвия была основана не на пустом месте, а там, где уже существовало чисто местное поселение, от которого она, очевидно, и получила свое название, осмысленное на греческий лад» (стр. 82). «Филологические изыскания», на которые ссылается автор, являются антинаучными рассуждениями Н. Я. Марра («Ольвия и Альба Лонга», ИАН, 1925). Как бы ни был вероятен сам факт существования догреческого местного поселения на территории Ольвии, марровские домыслы о местных корнях названия Ольвии, конечно, никаким аргументом в пользу этого факта являться не могут. Непонятно, почему Д. П. Каллистов помещает миксэллинов наряду с рабами «внизу социальной лестницы в Ольвии» (стр. 84). Ведь миксэллины жили вне города, хотя и в ближайшем с ним соседстве, и никакого отношения к социальной структуре самого полиса не имели; сам автор говорит о них в другом месте как о пограничном племени (стр. 90). Но основное возражение по данному разделу относится к трактовке автором того «мира варваров», который начал оказывать давление на Ольвию в III в. до н. э. Следуя своей теории исторического единства племенного мира, автор отказывается от рассмотрения истории конкретных северочерноморских племен, их взаимоотношений, передвижений и т. п., а все время говорит о «мире варваров» в целом и об отношениях этого мира с Ольвией. Такая позиция приводит к тому, что совершенно утрачивается представление о причинах активизации отдельных племен, о социальных сдвигах внутри «варварского» мира, о взаимных столкновениях местных племен, а стало быть и о той реальной обстановке, которая складывается вокруг Ольвии. «В массах местного населения просыпается враждебная грекам активность», «„варвары“ окончательно перешли от пассивного подчинения влиянию города к решительному наступлению» (стр. 86 и 89) — все эти фразы, обильно декларируемые автором, не облекаются им в живую плоть и кровь. Представление о таком единодушном наступлении «варваров» на Ольвию противоречит историческим фактам. Сам же Д. П. Каллистов признает, что некоторые соседние с Ольвией племена, в том числе скифы, были напуганы движением скиров и галатов и считывали на Ольвию, как на укрепленный опорный пункт (стр. 88). Этот же недостаток свойственен и следующему разделу о Херсонесе (стр. 90—101), где автор опять говорит о возникновении враждебной грекам активности каких-то безликих и схематически обобщенных «варваров». Создание скифского государства Скилура рассматривается здесь лишь как одна из форм этой активизации (стр. 96). Впрочем, затем автор

обстоятельно и подробно разбирает историю взаимоотношений этого царства с Херсонесом и борьбу Палака с Диофантом (стр. 97—101).

Следующий, значительный по объему раздел этой главы посвящен истории Боспора дмитридатовского времени (стр. 101—141). Автор прежде всего разбирает вопрос о причинах возникновения государства Археанактидов и об его характере (стр. 101—111). При этом он использует самые разнообразные данные — свидетельства письменных источников, археологические и эпиграфические материалы, анализ значения титулов «архонт» и «царь» в греческой терминологии V—IV вв. и т. д. В целом картина, нарисованная Д. П. Каллистовым, может быть признана правильной, хотя отдельные положения его все же вызывают сомнения. Так, например, не может быть уверенности в том, что Фанагория с самого начала вошла в состав государства Археанактидов, равно как и другие города Таманского побережья (стр. 105). Крайне гипотетична и любопытная мысль автора о причинной связи между образованием государства Археанактидов, с одной стороны, и ходом греко-персидских войн — с другой (стр. 109—110). Не следовало бы называть Археанактидов, власть которых, повидимому, была весьма ограничена остатками полисной автономии, ирризируемой и автором (стр. 107), «единоличными правителями нового государственного объединения» (стр. 110): это может породить у читателя неправильные представления о монархическом или тиранническом характере их власти. Однако все это мелочи. Гораздо более существенной ошибкой автора является следующее утверждение: «Боспор становится крупной по тому времени колониальной державой, что, естественно, наложило свой отпечаток и на весь его социально-экономический облик» (стр. 101). В термин «колониальная держава» в современной литературе вкладывается совершенно определенный смысл, никакого отношения к античному обществу не имеющий. Да и по существу Боспор никогда никаких своих колоний не имел и в силу этого колониальной державой быть не мог. Если же Д. П. Каллистов хотел сказать этим термином, что в состав государства вошли города-колонии, то и тогда это определение неверно: боспорские города были совершенно самостоятельными полисами, ни в какой «колониальной зависимости» от своих метрополий не находившимися, и тот факт, что они были когда-то основаны выходцами из метрополий, никакого значения для определения характера Боспорского государства не имеет. Поэтому употребленный Д. П. Каллистовым термин «колониальная держава» может вызвать только путаницу в представлении читателей.

В этом же разделе автор рассматривает вопросы об афинско-боспорской торговле, об установлении династии Спартокидов, о характере их власти, о расширении боспорской территории, характеризует экономику и культуру Боспора эпохи Спартокидов. Подробно рассмотрены автором история междоусобной борьбы сыновей Перисада I и постепенное экономическое ослабление Боспорского царства в III—II вв. до н. э. Следует отметить внутреннюю противоречивость в характеристике Д. П. Каллистовым социального развития местных племен, входивших в состав Боспора. С одной стороны, автор, в полном соответствии со своей основной точкой зрения, утверждает, что все эти племена в своем развитии еще не вышли за пределы родового строя (стр. 102), что местный племенной мир сохранял свои веками сложившиеся традиции социальной и политической жизни, т. е. традиции родового строя (стр. 132). С другой стороны, Д. П. Каллистов считает, что мелкая боспорская серебряная монета VI—V вв. выпускалась в основном для оплаты товаров, скупаемых у мелких производителей из местного племенного населения (стр. 131). Наличие большого слоя мелких товаропроизводителей, свободно распоряжавшихся своим прибавочным продуктом и ведущих товаро-денежные операции, противоречит представлению о живучести и крепости первобытно-общинных отношений в местной среде.

Раздел «Боспор и Митридат Евпатор» (стр. 141—152) посвящен истории не только Боспора, но и всего Северного Причерноморья в первой половине I в. до н. э. Большую часть раздела занимает подробное, может быть, даже слишком подробное, описание всех перипетий борьбы Митридата VI против Рима (стр. 144—152). Автор совершенно правильно указывает на тот факт, что Митридат в своей борьбе стремился

использовать поддержку со стороны местных племен, в то время как боспорские города занимали враждебную Митридату позицию. Однако автор напрасно считает, что политика Митридата отражала интересы широких слоев местного населения (стр. 150), и говорит о племенах, поддерживавших Митридата, как о чем-то социально едином. В этой среде нужно различать, с одной стороны, племенную знать, тесно связанную с правителями Боспора своими классовыми интересами, с другой — основную массу населения, для которой Митридат был таким же рабовладельцем, как и все остальные. Поэтому попытки представить Митридата в виде какого-то вождя народных масс племенного «варварского» мира против рабовладельческого Римского государства и рабовладельческих городов Боспора (стр. 150), по нашему мнению, ничем не оправдываются.

Последняя, четвертая глава рассматриваемой работы «Северное Причерноморье в конце I в. до н. э. и в первых веках нашей эры» (стр. 153—183) наименее самостоятельна. Основная часть ее посвящена описанию римско-боспорских отношений и борьбы за боспорский престол во второй половине I в. до п. э. и в I в. н. э. Небольшое место отведено характеристике положения Ольвии и Херсонеса во II—IV вв. н. э., и, наконец, последние страницы книги посвящены истории, экономике, социальному строю и культуре Боспора того же времени. Бросается в глаза неравномерность распределения материала: истории всего Северного Причерноморья на протяжении трех последних веков уделено всего 15 страниц из 180 страниц текста. Между тем этот период в истории Северного Причерноморья имеет очень большое значение и представляет огромный интерес именно с точки зрения решения основного вопроса, волнующего автора, — вопроса о взаимоотношениях северочерноморских племен и народов с античными государствами. Из поля зрения автора почти совершенно выпали такие замечательные явления, как изменение этнического состава населения боспорских городов и резкая «варваризация» греческого населения, передвижения различных этнических групп в северочерноморских степях, изменения в хозяйственной жизни, постепенная натурализация ее и «рустификация» городов, развитие вольноотпущенничества и изменения в социальном составе причерноморских городов, возрастание роли синкретических и монотеистических культов и религиозных фисов в жизни причерноморских городов и т. д. Всем этим важнейшим сторонам социально-экономической и культурной жизни Северного Причерноморья автор уделяет буквально по несколько слов (стр. 182—184). Такая непропорциональность в построении книги, недостаточное внимание к последнему периоду истории Северного Причерноморья в античную эпоху значительно снижают ценность рецензируемой работы.

Таковы основное содержание, основные достоинства и недостатки рецензируемой книги. Перейдем теперь к замечаниям более частного порядка.

На стр. 31, говоря об окрашенных костяках на территории южнорусских степей, автор добавляет: «последнее время все чаще высказывается мысль о генетической связи между этим погребальным обрядом и трипольской культурой, для поздних ступеней в развитии которой как раз очень типично скорченное труположение». Этот тезис автора, совершенно необоснованный и идущий вразрез со всеми представлениями современной археологической науки, не должен был бы появляться в таком голословном виде на страницах популярного издания.

Следуя С. А. Жебелеву (ИАН ОГН, 1930, № 10), автор считает «самыми древними и крупными» городами Боспора Пантикапей, Феодосию, Фанагорию, Гермонассу и Келы (стр. 68). Вряд ли последний город, предположительно отождествляемый с незначительным городищем на берегу Таманского залива, можно считать крупным боспорским центром. В то же время странным образом из перечисления крупнейших городов у Д. П. Каллистова выпал такой центр, как Нимфей, об очень раннем возникновении и большом значении которого неопровержимо свидетельствуют и археологические и письменные источники. Непонятно, почему автор следует старому мнению М. И. Ростовцева в вопросе об отношении Горгииппии и Синдской гавани¹, считая их различ-

¹ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, стр. 293.

ными поселениями (стр. 73, 75), и игнорирует прямое указание письменных источников (Steph. Byz. = SC, I, 266), а также мнение большинства советских исследователей о тождестве этих двух пунктов¹. Еще удивительнее тот факт, что автор считает, ссылаясь на данные литературных источников, что Синдская гавань, Киммерий и Горгиппия «явились плодом... внутренней боспорской колонизации не ранее середины IV в. до н. э.» (стр. 73). Между тем известно, что в Анапе-Горгиппии найдены фрагменты керамики еще конца VI—V вв. до н. э. (КСИМК, XXXVII, стр. 245—248) и что Синдская гавань упоминается уже в Перипле псевдо-Скилака (SC, I, стр. 85), сведения которого восходят по крайней мере к первой половине IV века.

Д. П. Каллистов значительно преувеличивает значение захвата афинянами Сигея и Херсонеса Фракийского во времена Писистрата в возвышении Афин; хотя овладение проливами и способствовало развитию могущества Афин, но все же эти захваты не были единственными причинами того, что Афины «сразу выдвигаются из среды других греческих городов на первое место и превращаются в богатейшее и влиятельнейшее государство Греции», как это постулирует автор (стр. 76).

Говоря о борьбе Левкопа I против Феодосии, автор отпосит к этой войне эпизоды, рассказанные Полиэном в его стратегемах (стр. 116). Нам представляется, что эти рассказы отражают события гораздо более позднего времени, и Левкон, упоминаемый Полиэном, есть Левкон II (ВДИ, 1950, № 3, стр. 172—173). Не можем мы согласиться и с тем положением автора, что Феодосия и в составе Боспорского государства сохранила известную автономию (стр. 117).

Ошибочно положение, будто производство черепицы возникло на Боспоре лишь с половины IV в. (стр. 124). Сейчас известна черепица безусловно местного происхождения значительно более ранняя — V и даже конца VI в. до н. э.

Вряд ли следует думать, что обязательство афинян помогать Спартоку «на суше и на море», содержащееся в надписи 288 г. до н. э., было направлено против потенциальной угрозы Боспору со стороны «варваров» (стр. 139). Известны и войны Боспора с другими античными государствами, например, с Гераклеей. Обязательство помогать не только на суше, но и на море, говорит скорее об угрозе со стороны какого-то греческого государства, так как никакие «варвары» в эту эпоху значительного флота еще не имели.

Автор принимает точку зрения Е. С. Голубцовой² о правлении на Боспоре между 8 г. до н. э. и 7 г. н. э. царя Асандроха (стр. 158). Однако гипотеза Е. С. Голубцовой построена на ошибочном чтении ею монограмм на боспорских монетах (ср. ВДИ, 1952, № 3, стр. 97) и принята быть не может. Сам же Д. П. Каллистов в своей рецензии на книгу Е. С. Голубцовой подчеркивает слабые стороны ее рассуждений по этому вопросу (ВДИ, 1952, № 3, стр. 86). Тем более странно принятие им ее конечного вывода.

Ошибочно утверждение, будто в Херсонесе монеты и надписи с 25/24 г. до н. э. начинают датировать годами «царствования Девы» (стр. 159). Этот год стал исходным пунктом для нового летоисчисления, но первые монеты, датированные по этой эре, выпускаются лишь 70 лет спустя, а надписи начинают упоминать «царицу Деву» и датироваться годами ее царствования только во II в. н. э.³

Мы считали необходимым подробно остановиться на таких ошибках, так как книга Д. П. Каллистова предназначена для учителей-историков и каждая ошибка или неточность становится в ней особенно досадной. Именно поэтому очень неприятно поражают и многочисленные мелкие недостатки, проистекающие из небрежной авторской и редакторской правки книги. Укажем лишь на некоторые, наиболее яркие из них.

¹ В. Ф. Г а й д у к е в и ч, указ. соч., стр. 215 сл.

² Е. С. Г о л у б ц о в а, Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры, М., 1951, стр. 115—117.

³ А. Н. З о г р а ф, Античные монеты, МИА, XVI, стр. 154.

На стр. 92, говоря о технике керамического производства, автор утверждает, что глиняные светильники и террактовые статуэтки отливались (!). На стр. 40 знаменитая ваза из Чертомлыцкого кургана названа... чашей. На стр. 43 слово «горит» объяснено как «колчан», что отнюдь не одно и то же. На стр. 105 сказано, что «в древности Тамань была не полуостров, а остров», тогда как на самом деле на месте теперешнего Таманского полуострова находилась целая группа островов. На стр. 128 боспорские уступчатые склепы называются то «монументальными погребениями», то «монументальными надгробиями», что одинаково неверно. На стр. 73 говорится о находке черепичных клейм с именем города Горгииппии. Таких клейм не существует, а имеются клейма с личным именем Горгииппа. На стр. 181 дается следующее описание известного «Склепа Деметры»: «Стены увенчивает ионийский фриз, на одном из которых (?) изображена сцена похищения Персефоны...». На самом деле никакого фриза в склепе нет, а есть карнизик, отделяющий от плоскости стен полуцилиндрический свод и полукруглые люнеты, в одном из которых и помещено указанное изображение. На стр. 67 автор утверждает, что Ольвия расположена выше Днепро-Бугского лимана, на берегу р. Буг, который имеет в этом месте 7 км (?) ширины, а на стр. 88 помещает ее на берегу самого лимана. На стр. 100 и 101 дважды повторяется, что Диофант вел борьбу против Скилура (вместо Палака).

Иногда совершенно правильная мысль автора вследствие небрежного изложения искажается и затемняется до полной невразумительности. На стр. 124, описывая красно-фигурные и акварельные вазы боспорского производства, автор внезапно переходит к характеристике полихромного стиля в ювелирных изделиях, не оговаривая этого и оставляя читателя в полной уверенности, что вставка цветных камней, стекла и эмали применялась при изготовлении ваз. Не всегда выдержана транскрипция собственных имен и названий: так, город Истрия называется то Истрой (стр. 58), то Истром (стр. 65), река Днестр в тексте называется Тира (стр. 19), а на картах Тирас. Следовало бы некоторые устаревшие названия (Аккерман, Камышбурун, Акмечеть, Аджибай и др.) заменить современными (Белгород Днестровский, Аршинцево и др.). Все эти и подобные им недостатки легко могли бы быть устранены, если бы книга подверглась внимательному редактированию, особенно необходимому ввиду характера издания.

В заключение следует остановиться на оформлении рецензируемой работы. Книга богато иллюстрирована рисунками и фотографиями. Подбор их в целом удачен. Можно сделать лишь несколько замечаний по этому поводу. Вряд ли следовало помещать четыре рисунка с изображениями росписей «Склепа Деметры» (стр. 147, 175, 180, 181): изображения Гермеса и Калипсо свободно можно было бы опустить, лучше было бы вместо них поместить фрагменты росписей других склепов, например, склепа Анфестерия. Жаль, что среди иллюстраций нет ни одного образца боспорских надгробий, а также, что полностью отсутствуют воспроизведения памятников архитектуры и монет. Куль-обская ваза изображена дважды: в виде хорошей фотографии на стр. 123 и плохого рисунка на стр. 23. При этом под первым изображением надпись гласит: «Электро-вый сосуд из кургана Куль-Оба», а под вторым — «Золотая ваза из Куль-Оба». Вообще надписи под рисунками часто невыдержаны. Иногда указаны место находки и дата изображенной вещи, иногда нет; иногда место указано так, что читателю это ничего не дает: откуда ему знать, что Глинище, где найдена золотая маска, изображенная на стр. 91, — это район современной Керчи и некрополь древнего Пантикалея? Жаль также, что рисунки в тексте не объяснены, а большинство даже и не упомянуто. Вызывает недоумение распределение рисунков в тексте: они часто разбросаны без всякого порядка, в полном отрыве от текста. Так, изображение золотой маски одного из поздних боспорских царей III в. н. э. включено в текст раздела об эллинистическом Херсонесе (стр. 91), изображение калафа из Большой Близницы помещено в главе об Ольвии (стр. 86) и т. п.

Книга внешне производит благоприятное впечатление, она заботливо оформлена издательством, но нельзя не отметить наличия очень большого количества опечаток, особенно в именах собственных и в датах: «Битерий» вместо «Тиберий» (стр. 176),

«Коперский округ» вместо «Хоперский» (стр. 59), «Флегмонт» вместо «Флегонт» (стр. 176), «Фоттерсфельд» вместо «Феттерсфельд» (стр. 16), «пробевт» вместо «пресбевт» (стр. 176), 278 г. до н. э. вместо 288 г. (стр. 139), и многие другие. Список опечаток к книге почему-то не приложен.

Все указанные недостатки разбираемой книги должны быть учтены в дальнейшей работе советских историков античности над изданием популярных книг для массового читателя, ожидающего от нас всестороннего и полноценного освещения основных проблем древней истории.

Д. Б. Шелов

ЕЩЕ РАЗ О КНИГЕ А. Н. ЗОГРАФА «АНТИЧНЫЕ МОНЕТЫ»¹

Давний авторитет автора рецензируемого труда А. Н. Зографа заставляет отнестись с сугубым вниманием к его наблюдениям, замечаниям и выводам. Притом прежде всего следует разграничить такие высказывания и заключения, которые можно считать доказанными, от таких, которые должны рассматриваться лишь как гипотезы и личные предположения А. Н. Зографа. Как раз авторитетность А. Н. Зографа легко может повести к смешению тех и других. Между тем после написания книги прошло более 15 лет, и советская наука обогатилась за это время немалым количеством изданий отдельных нумизматических памятников, частично найденных после смерти автора, а также рядом исследовательских работ по истории монетного дела античного Причерноморья, которому автор уделяет всю вторую половину своего труда (гл. VIII—XI). Самое же существенное заключается в том, что нас теперь уже не может удовлетворить чисто нумизматическое исследование, не связанное с задачами изучения экономического развития тех же античных государств Северного Причерноморья.

Восьмая глава труда Зографа посвящена монетам Тире и вызывает менее всего критических замечаний. Нельзя, однако, не пожалеть, что в третьей графе таблицы, помещенной на стр. 118 сл., не указаны в скобках за кратким описанием каждого типа оборотной стороны те типы аверсов, в сочетании с которыми он встречается на монетах; этот прием позволил бы, почти не увеличивая объема таблицы, наглядно показать все разнообразие нумизматических памятников Тире императорского периода. Сомнительно, на наш взгляд, также и заключение автора (стр. 113), что легенда ТУРА на ранних автономных монетах всегда представляет не именительный падеж, а сокращение родительного ТУРА[*vov*]; в Истрии мы находим около этого времени, во всяком случае, именительный ΙΣΤΡΙΝ, в Ольвии — ΟΛΒΙΝ; аналогии времени Домициана вряд ли могут быть решающими для монет IV в. н. э.

Переходя к монетам Ольвии, следует отметить, что последние крупные «ассы» этого города правильно связываются А. Н. Зографом в одну систему с первыми ее чеканенными монетами. Однако, определив время выпуска «ассов» с изображением Деметры (табл. ХХХI, 4) серединой и началом третьей четверти IV в., а наиболее ранних из объединяемых с ними статеров (табл. ХХХII, 2) границей 30 и 20-х годов (ср. стр. 124 и 127), автор вместе с тем считает всю эту «группу монет совместного обращения» принадлежащей середине IV в. (стр. 126), т. е. ранее им же принятого момента ее появления. Думается, что это построение нуждается в пересмотре; убедительным во всей соответствующей аргументации является только то, что наиболее строго исполненные экземпляры серебряных статеров и брюссельский золотой уник тесно связаны стилем и относятся к рубежу между 30 и 20-ми годами IV в. Совершенно не обосновано однако, что именно эти, уже несколько рафинированные, монеты являют-

¹ В ВДИ, 1951, № 4, были опубликованы две рецензии Л. П. Харко и В. Н. Дьякова на книгу А. Н. Зографа. Редакция ВДИ сочла целесообразным еще раз вернуться к этому вопросу, так как в статье П. С. Карышковского обращается внимание на моменты, не учтенные предыдущими рецензентами.